

Социальный порядок и политическая теология в «Игре престолов»

Чем культовый сериал интересен для теоретической социологии

Олег Кильдюшов

Научный сотрудник, Центр фундаментальной социологии,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

Статья представляет собой обзор ряда работ представителей различных гуманитарных и социальных дисциплин, посвященных книжному циклу Джорджа Мартина «Песнь льда и пламени» и телесериалу «Игра престолов». Вначале анализируются эвристически наиболее продуктивные интеллектуальные реакции исследователей на «Игру престолов»: конкретные продукты, т. е. тексты, которые могут представлять интерес для теоретической социологии. В основной содержательной части изображенный в цикле Дж. Мартина институциональный и дискурсивный порядок рассматривается глазами классиков социальной теории модерна (Н. Макиавелли, Т. Гоббс, М. Вебер). Затем кратко затрагивается религиозная ситуация в Вестеросе, для ценностно-нормативной системы которой парадоксальным образом характерны как постсекулярность, так и всплеск религиозного фундаментализма. В качестве следующего шага обсуждается политическая теология в «Игре престолов», рассматриваемая из намеченной еще Карлом Шmittом перспективы на трансцендентную легитимацию политического. В заключение затрагивается когнитивный ландшафт Вестероса, состоящий из различных конкурирующих эпистем (мейстеры, септоны, «белые ходоки» и др.), что структурно воспроизводит ситуацию обществ позднего модерна.

Ключевые слова: Джордж Мартин, «Игра престолов», социальный порядок, препрезентативная культура, Макс Вебер, политическая теология

© Кильдюшов О. В., 2020

© Центр фундаментальной социологии, 2020

DOI: [10.17323/1728-192X-2020-1-139-159](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2020-1-139-159)

* В основу статьи положен одноименный доклад на Открытом семинаре по социальной теории «Logica Socialis», который состоялся в Центре фундаментальной социологии НИУ ВШЭ 29 марта 2019 года.

Публикация подготовлена в рамках проекта «От политической теологии до когнитивистики: новые альтернативы, новые вызовы или новые ресурсы социальной теории?», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

Реакция исследователей в области гуманитарного и социального знания на «Игру престолов»

С эвристической точки зрения продукты современной массовой культуры представляют для социологии интерес уже своей популярностью, способами структурирования потребительских сообществ, а также как дискурсивное пространство общественно-политических высказываний, проекций и импликаций, нуждающиеся в аналитическом прояснении со стороны социально-теоретического знания. В этом смысле обращение социальных ученых к исследованию «Игры престолов» можно рассматривать не только как облеченный в научообразную форму способ интеллектуального развлечения, но и как наглядную демонстрацию эвристического потенциала фундаментальной социологии.

Стоит ли говорить, что при анализе книжного цикла Джорджа Мартина «Песнь льда и пламени» и основанного на нем телесериала «Игра престолов» исследователи используют самые различные методологические стратегии и теоретические перспективы, существующие в рамках актуальных исследований массовой культуры. При этом долгое время внимание представителей академии к этим ее продуктам было довольно незначительным. Так, по подсчетам немецкого исследователя Яна Зеффнера, за 5 лет с выхода первого сезона (т. е. к середине 2016 года) в базе англоязычных статей по гуманитарным наукам JSTOR набралась всего 21 работа, посвященная самому успешному телепродукту канала HBO. Книги Мартина вызывали еще меньше интереса у исследователей — 15, из них конкретно цикл «Песнь льда и пламени» — всего 6. Поразительные цифры, ведь на тот момент уже был очевиден феноменальный успех телепопеи среди масс зрителей! Зато за последующие годы ситуация радикально изменилась, прежде всего применительно к сериалу: в 2017 году в данной базе фиксировалось уже 124 работы об «Игре престолов» — т. е. менее чем за год их число увеличилось в 6 раз! (Söffner, 2017: 11–12).

Сегодня научные работы о вселенной Дж. Мартина вряд ли поддаются точному подсчету, поскольку в различных базах данных можно обнаружить сотни публикаций, включая книги, журнальные статьи, главы в сборниках и доклады на различных конференциях. Понятно, что даже просто обозреть это постоянно увеличивающееся море литературы невозможно чисто физически, поэтому в качестве социально-теоретически релевантных назовем здесь лишь несколько работ западных авторов, часть из которых уже переведена на русский язык (Jacoby, 2012; Джейкоби, Ирвин, 2015; May et al., 2016a; Lushkov, 2017; Лушкау, 2018). Также в последнее время вышли ряд оригинальных исследований отечественных ученых (Шляхтин, 2019; Штейнман, 2019; Травин, 2020).

Помимо количественных показателей примечательна и дисциплинарная структура публикаций: как ни странно, среди авторов вышедших на Западе работ не всегда доминируют представители литературоведения или культурологии (Lowder, 2012; Лаудер, 2015). Часть академических или околоакадемических текстов можно скорее отнести к философии (Silverman, Arp, 2012; Лаудер, 2015), политиче-

ской теории (Rolet, 2014) и гендерным исследованиям (Frankel, 2014; Gjelsvik, Schubart, 2016), а также к разработкам исторической и мифологической проблематики в сериале в рамках медиевистской перспективы (Larrington, 2016, 2017; Ларрингтон, 2018, 2019) — что вполне ожидаемо. Менее ожидаемо, что среди пишущих о мире Семи королевств литературоведы и культурологи находятся явно в меньшинстве (Battis, Johnston, 2015a).

Показательно и то, кто именно пишет об «Игре престолов», — как правило, это представители смежных или вспомогательных дисциплин, в основном молодые авторы, еще не занимающие высоких и прочных позиций в рамках академической иерархии. Что это за дисциплины? Самые разнообразные — например, при анализе эпопеи Дж. Мартина оказались востребованы компетенции в области генеалогии, семиотики, исследований возраста, сравнительного религиоведения, теории фехтования и оружеведения (англ. *Weaponology*), почти неизбежных в таком случае специалистов в сфере гендерных исследований и еще более ожидаемых знатоков жанра фэнтези. Но также среди авторов встречаются знатоки сравнительного музыковедения — например, из текста одного из них можно узнать, что главная музыкальная тема сериала позаимствована Рамином Джавади из 8-й симфонии Антона Брукнера (II. Scherzo. Allegro moderato) (Weng, 2016). Вместе с сексологами и теологами иногда компанию им составляют представители различного рода компьютерных наук (компьютерной лингвистики). Еще встречаются социальные антропологи, исследователи в области теории медиа и теории коммуникации, как и филологи (например, специалисты в области англистики, германистики и скандинавистики) и историки-медиевисты. Кого не удалось встретить среди авторов — так это социологов-теоретиков. Это упоминание мы отчасти попытаемся исправить нашим обзором.

Здесь следует отметить, что возникшая на волне успеха сериала фанатская субкультура уже обзавелась соответствующей инфраструктурой в виде сайтов, энциклопедий¹, регулярных национальных и глобальных фанатских конгрессов — т.н. конвентов² и т.д. И вот — как бы параллельно этой организационной активности неакадемическим фандомом — заметны усилия молодых ученых, которые переводят свою страсть к сериалу в регистр (квази)академической активности. В частности, ими издаются различные сетевые журналы, сборники текстов и даже устраиваются научные конференции³.

В качестве главных тем в исследованиях вселенной Мартина затрагиваются вопросы структуры нарратива, конструирования эпического мира саги, концепты героев и гендерная проблематика. В силу эстетически крайне гибридного характера

1. Из русскоязычных ресурсов можно выделить два: <https://7kingdoms.ru/>, а также: https://gameofthrones.fandom.com/ru/wiki/Песнь_льда_и_пламени.

2. Так, в августе 2017 года в Хельсинки прошло мероприятие под названием WorldCon — мировой конвент фантастики и фэнтези, в котором принял участие Джордж Р. Р. Мартин, также посетивший Петербургскую фантастическую ассамблею.

3. В качестве примера можно привести первое в России академически релевантное обсуждение саги и сериала в формате конференции: <https://indicator.ru/humanitarian-science/nauka-vesterosa.htm>.

ра художественного высказывания авторов книжного цикла и телепродукта значительное внимание исследователи уделяют интертекстуальности, включающей прямые отсылки и аллюзии на самые разнообразные источники — исторические, мифологические, литературные. Судя по материалам публикаций, существует масса самых неожиданных контекстов и традиций, релевантных для научной реконструкции «рассказанного мира» эпоса Джорджа Мартина (May et al., 2016b: 13).

Смешение жанров *high fantasy* и исторического романа, типичный для научной историографии реализм в изображении структур господства и низовых культурных практик⁴ делают роман и сериал идеальным объектом анализа не только для литературоведов или медиевистов. Тщательно прописанные в них социальные институты, коррелирующие с реальным историческим и актуальным опытом читателей и зрителей, представляют интерес и для теоретической социологии. Неудивительно, что применяемые исследователями подходы в той или иной мере ориентированы на экспликацию социальности «Игры престолов» как репрезентативного продукта современной массовой культуры (Тенбрук, 2013): почему сериал в таком виде был создан и оказался востребован в обществе позднего модерна, в чем его социальный смысл, как на него реагирует вся социальная рамка западных обществ XXI века. Не меньший интерес для социальных ученых представляет то, что происходит внутри «рассказанного мира» саги, — как социологически устроено производство смыслов в книгах и эпизодах фильма, чем объяснить рыночный успех данных продуктов культурного производства. Здесь основное внимание направлено на анализ социальных взаимодействий внутри различных групп потребителей, фандомов и даже отдельных произведений.

Институциональный и дискурсивный порядок в цикле Дж. Мартина глазами классиков социальной теории модерна (Н. Макиавелли, Т. Гоббс, М. Вебер и др.)

Цикл книг Джорджа Мартина и телесериал Дэвида Бениоффа и Дэниела Уайса могут представлять интерес для теоретической социологии самим масштабом и даже глобальностью проекта фиктивного мира, причем очень реалистичного и детально проработанного не только с точки зрения мотивов действий героев, но и в отношении социальной структуры, правил социального действия, религиозных, культурных и повседневных практик, вплоть до одежды, еды и напитков. Исследователи видят здесь явные параллели с описанными Р. Бартом способами производства эффектов реальности через письмо в романах французского реализма (Барт, 1989).

Тщательно продуманные Мартином семейные, клановые, феодальные и иные социальные структуры легко опознаются как собственное историческое прошлое Запада. Таким образом, читателю и зрителю сугgerируется квазисоциологический

4. Многие исследователи подчеркивают характерную для письма Дж. Мартина «приверженность реализму»: Battis, Johnston, 2015b: 1–14.

взгляд на Весторос как структурно знакомое и отчасти запечатленное в западной культурной традиции пространство европейского позднего Средневековья или раннего модерна (Марей А., 2020). С личным опытом современных американцев и европейцев резонирует часто применяемая автором перспектива, в которой институты социализации вроде семьи предстают не только и не столько источником необходимых экономических ресурсов, культурных смыслов и общей мотивации действия, сколько репрессивными структурами, осуществляющими общественное принуждение в духе знаменитого анализа микрофизики дисциплинарной власти у Мишеля Фуко. Тем самым радикально проблематизируется не только существующий институциональный ландшафт, но и лежащий в его основе дискурсивный порядок, включая конститутивные для него когнитивные схемы и моральные коды. В результате становится невозможным представление о субстанциально хорошем и плохом. Тем самым книга и сериал выходят далеко за рамки привычных для жанра фэнтези стандартов и способов различения (Энглбергер, Хайеке, 2015).

В этом смысле общая симптоматика кризиса является в саге типично модерной. Иными словами, «Игра престолов» оказывается именно репрезентативным культурным продуктом в смысле Фридриха Тенброка⁵, поскольку ориентируется на наше современное понимание перманентно-критического состояния всех сфер жизни. Этот глобальный кризис охватывает весь социальный космос и имеет различные измерения: внутри — и geopolитическое, экологическое и религиозно-ценностное, вплоть до семейных и личных проблем героев книжного и телевизионного эпоса.

При этом традиционным для жанра фэнтези событийным фоном является кризис предустановленного порядка, восстанавливаемый в конце нарратива усилиями героев («еи-катастрофа», в терминологии Толкиена). Как правило, эти кризисы связаны с нарушением привычного хода вещей внутри властной конструкции или общего баланса сил. Однако в случае вселенной Мартина феноменология распада не исчерпывается властно-институциональными моментами и не объясняется одним лишь непредумышленным нарушением предустановленной гармонии (May et al., 2016b: 14). Так, в сериале системный кризис охватывает буквально все пространство рассказанного мира, так что к началу 8-го сезона дестабилизированными оказываются все привычные формы социальных взаимодействий (включая семью, дружбу и даже правила ведения войны), а дискредитированными — все ранее существовавшие дискурсивные порядки (включая веру в Семерых и знания ордена мейстеров, о чем будет сказано ниже).

Как и в мире модерна, в «Игре престолов» нет никаких субстанционально понимаемых этических полюсов «добро» и «зло», задающих однозначные параметры

5. Ср.: «Культура является социальным фактом, так как она репрезентативна, т. е. производит идеи, значения и ценности, которые действенны в силу их фактического признания. Она охватывает те убеждения, представления, картины мира, идеи и идеологии, которые влияют на социальное действие, так как активно разделяются или пассивно принимаются» (Тенбрук, 2013: 101).

для моральной навигации статичных героев, которые выступали бы — подобно персонажам античных трагедий — скорее репрезентантами определенных ценностей, чем реальными человеческими характерами. При этом политическая и моральная амбивалентность протагонистов дополнительно усиливается типично мартиновским приемом «внезапной смерти», сначала так поразившей всех в случае «самого правильного» из них — Недда Старка, а потом ставшей привычной. Однако у читателей и зрителей саги нет уверенности не только в том, что герои успешно справляются со всеми испытаниями, но и в том, что они вообще доживут до конца цикла. Конечно, последующее воскрешение Джона Сноу, предательски убитого ортодоксально настроенными братьями Ночного дозора в 5-м сезоне телесериала, несколько смузило этот эффект, вызвав вполне обоснованные подозрения в маркетинговых мотивах подобного решения продюсеров канала HBO...

В любом случае довольно реалистичное изображение структурного кризиса системы и жизненного мира героев цикла значительно усиливается таким важным элементом мартиновского нарратива, как опыт абсолютной контингентности. Для социологии тематизация контингентности не есть нечто-то новое. Например, в работах Никласа Лумана⁶ данное понятие отсылает к традиционному пониманию термина, восходящему еще к Аристотелю: речь идет о том, что не является ни необходимым, ни невозможным. Применительно к событиям сериала это означает, что в любой момент все могло быть другим и может стать другим. Используя терминологию Лумана, здесь можно говорить об эмерджентном социальном порядке (Luhmann: 1984: 157).

Как и в культуре модерна, в сериале после начала изложения конститутивный характер опыта контингентности проявляется во всех сегментах личной и социальной жизни, и даже в природе (наступление долгой зимы). Так что, несмотря на некоторую непоследовательность, неожиданная смерть главных героев выступает радикальной формой контингентности у Мартина⁷. Таким образом, философско-эпистемологически мир якобы средневекового Вестероса — это сильно модернизированный и социологизированный проект, не укладывающийся в узкие жанровые рамки фэнтези. В сериале проблематичными становятся базовые формы и ценности, характерные для моральных канонов всех исторически известных солидарных сообществ: даже дружба, верность и лояльность оказываются в серой зоне категориальной неопределенности — как, например, оценивать поступок Джейми Ланнистера, убившего Безумного короля Эйриса II Таргариена, защищать которого он поклялся в качестве королевского гвардейца?

6. Ср.: «Контингентным является то, что не является ни необходимым, ни невозможным; т. е. то, что может быть таким, каким оно есть, но также может быть иным. Тем самым понятие обозначает нечто данное (предстоящее, ожидавшееся, помысленное, выдуманное) с точки зрения возможности его иного бытия; оно обозначает предметы в горизонте возможных изменений». См.: Luhmann: 1984: 152.

7. См. в данной рубрике альтернативную интерпретацию, рассматривающую смерть в качестве заслуженного воздаяния за этическую недоброкачественность: Марей М., 2020.

Мир Мартина типично модерный уже потому, что его конструкция основана на тех же принципах имманентизма, реализма, перспективизма и эмансипации, характерных для языков самоописания и самолегитимации проекта современности⁸. Его обитатели так же постоянно находятся под принуждением к самоопределению, им приходится выходить за пределы привычных социальных ролей традиционного типа. Так, квазифеодальные структуры Семи королевств предполагают жестко предписанные роли и шансы для тех, кто находится внизу или с краю общества: как обычно, среди «дискриминируемых» находятся женщины и тем более девочки, калеки,bastарды, чужаки и другие социальные аутсайдеры. Именно их вынужденные по природе и субверсивные по результату действия взрывают устоявшиеся рамки и ломают привычные сценарии, что в качестве агрегированного непреднамеренного эффекта приводит к изменению самой структуры субъектности, или агентности, в пространстве социальных взаимодействий внутри рассказанного мира (Brittnacher, 2016).

В качестве примеров такого рода самоэмансипации здесь могут быть названы многие персонажи Джорджа Мартина: евнух Варис, парвеню Петир Бейлиш по прозвищу Мизинец, дочери репрессированного десницы Арья и Санса Старк, физически неформатный наследник великого дома Сэмвел Тарли, наконец, главные герои —bastард Джон Сноу, политэмигрантка Дейенерис Таргариен и даже сама Серсия Ланнистер, нарушившая все мыслимые человеческие законы и божьи заповеди, и в результате узурпировавшая Железный трон. Появление новых субъектов социального и политического действия принципиально меняет прежнюю структуру агентности, казавшуюся столь ригидной: с доминирующих позиций вытесняются прежние репрезентанты гегемониальной власти, унаследовавшие свой социальный статус в соответствии с действующим в Вестеросе принципом первородства. Благодаря подобной — абсолютно модерной по своей природе — динамике не просто меняются социальные позиции тех или иных персонажей (May et al., 2016b: 18). Здесь достаточно вспомнить фрагмент из 10-й серии 3-го сезона («Миса»), когда освобожденные рабы Юнкая признают Дейенерис Бурерожденную в качестве «матери».

Стоит ли говорить, что изменившийся властно-политический статус вчерашних аутсайдеров ставит под вопрос стабильность всего социального порядка, постепенно оставшегося без поддержки со стороны всех прежних институциональных и дискурсивных опор и скреп, которые во время кризиса утратили былую силу и значимость. При этом и новым лидерам Вестероса приходится решать типичные для модерна проблемы политической легитимации собственных притязаний на господство, их необоснованности в трансцендентном и неукорененности в привычных рутинах и практиках. Например, та же Дейенерис Таргариен вынуждена теологически легитимировать свою власть путем тематизации уникальной

8. А. Марей фиксирует в sage лишь переход от Средних веков к раннему модерну: Марей А., 2020.

идентичности политического тела, которым она обладает в качестве «Матери драконов» (Petersen, 2016).

Неудивительно, что многими исследователями политических и социальных импликаций мира «Игры престолов» в свидетели призываются авторы, давшие классические образцы проблематизации модерна: Макиавелли, Гоббс и Вебер. Все они важны именно как теоретики типично современных имманентистских способов концептуализации политического, связанных с осознанием зависимости стабильности структур господства от фактического признания со стороны подданных, а также с фундаментальным различием между нормативным идеалом благого правителя и прагматическими интересами сохранения власти, как и между внешними образами и реальными способами ее функционирования.

Как верно подметил политолог Маркус Шульцке, некоторые места в сериале выглядят как прямые цитаты из того же «Государя» Никколо Макиавелли, например, из знаменитой главы 17, где тот ставит вопрос о приоритете для правителя любви или страха у подданных (Шульцке, 2015). Подобными вопросами о предпосылках признания задаются многие персонажи саги — трижды королева Маргери Тирелл, ее первый муж Ренли Баратеон, Дейнерис. В эксплицитной форме вполне макиавеллистский по духу дискурс о базовых добродетелях монарха (или, говоря современным HR-сленгом: скиллах и компетенциях лидера), квалифицирующих его для осуществления успешного правления, присутствует в яркой сцене разговора юного короля Томмена с его дедом лордом Тайвином Ланнистером (сезон 4, серия 3 «Разрушительница цепей»).

Также часто авторы, пишущие о политическом в «Игре престолов», обращаются к авторитету основателя социальной теории модерна Томаса Гоббса. Причем один из них, американский философ Грэг Литтманн, даже предложил проделать такой любопытный мысленный эксперимент: представим себе Гоббса в качестве майстера в Королевской Гавани! Что бы он советовал королю и лордам в момент политического кризиса в Вестеросе? Как бы он воспринял свержение династии Таргариенов (читай: Стюартов)? Чью сторону он занял бы в войне Пяти королей? (Литтманн, 2015).

Хотя, строго говоря, события цикла представляют собой процесс, обратный описанному самим Гоббсом в «Левиафане»: здесь мы видим не выход из естественного состояния путем учреждения государства, а, напротив, распад государства как доминирующей инстанции легитимного насилия, когда каждый получает обратно свое естественное право на самосохранение, вступая в прямую конкуренцию с аналогичным правом других рациональных эгоистов в условиях неограниченной «войны всех против всех» (Petersen, 2016: 231). Но и в таком, перевернутом виде представленная у Мартина картина высвобождения политического действия от любых ценностно-нормативных ограничений может считаться как типично нововременная и модерная (Stolleis, 1990). Ближе всего к позиции самого Гоббса в романе и фильме оказывается мастер над шептунами евнух Варис, для которого

стабильность порядка является самоценностью, несмотря на издержки конкретно-исторического Левиафана (сезон 1, серия 9 «Бейелор»).

Классик социологии Фердинанд Тённис в своем знаменитом исследовании «Гemeinschaft und Gesellschaft» пишет, что «люди Гоббса и происходящие от них индивиды моего общества по природе суть враги, исключают и отрицают друг друга» (Tönnies, 1979: 105; Филиппов, 2009: 113, 2017). Таким Гоббсовым человеком — не в значении того, кто придерживается позиции британского философа, а в качестве воплощения описанного им в «Левиафане» социального типа — в сериале «Игра престолов» предстает Петир Бейлиш по прозвищу Мизинец. Именно он, преследуя собственные интересы, готов обрушить существующий порядок и спровоцировать полноценную гражданскую войну, невзирая на катастрофические последствия «войны всех против всех». При этом у Мизинца есть своя, абсолютно антигоббсианская по духу, концепция управляемого хаоса («Хаос — это лестница...»). Дестабилизируя посредством интриг сложившуюся рамку политического господства великих домов, рациональный эгоист Мизинец надеется значительно улучшить собственные шансы на возвышение уже в новых институциональных условиях. Мы знаем, что его надеждам помешала опять-таки довольно нежданная и даже в чем-то нелепая смерть в Винтерфелле в конце 7-го сезона, и не очень согласующаяся с его образом в предыдущих сериях...

При этом лучше всего структура «довоенного» вестеросского общества проявляется в моменте неожиданной встречи Кейтилин Старк и Тириона Ланнистера в трактире (сезон 1, серия 4 «Калеки,bastарды и сломанные вещи»). В этом драматичном фрагменте Кейтелин из неприметной путешественницы за считаные минуты превращается в репрезентантку всего существующего социального порядка, которая успешно апеллирует к действующим структурам господства и лояльности:

- как подданная Семи королевств — к имени короля Роберта;
- как дочь верховного лорда Речных земель из дома Талли — к случайно оказавшимся поблизости обладателям силового ресурса в лице рыцарей, носящих гербы вассалов ее отца: в частности, это были воины леди Уэнт, лорда Бракена и лорда Фрея...

Вслед за многими авторами, пишущими об «Игре престолов», кратко бросим взгляд на существовавший к началу телесаги социальный и политический порядок глазами Макса Вебера, поскольку знаменитая веберовская типология легитимного господства позволяет проблематизировать некоторые моменты, ускользающие от теоретически невооруженного читателя и зрителя (Baumann, 2016). Назовем лишь некоторые из них:

- в нынешнем виде Семь королевств существуют около 300 лет — именно Эйегон I Таргариен, завоевавший Вестерос с помощью военно-воздушного *ultima ratio* в виде трех драконов, создал данный политический союз (кроме Дорна, присоединенного позже путем династических браков) (Марей А., 2020);

— таким образом, власть правителя на Железном троне легитимировалась устойчивой традицией, существовавшей на протяжении многих поколений (всего сменилось 17 королей из дома Таргариенов);

— при этом власть самого Эйгёна Завоевателя и его прямых потомков относилась к харизматическому типу, поскольку легитимировалась их харизмой, проявляющейся в уникальной способности летать на драконах;

— однако после смерти последнего дракона (примерно за 150 лет до начала сериала) королевская власть Таргариенов базировалась исключительно на традиции;

— при этом устойчивость ей придавали повсеместно наличествующие структуры рациональной власти-знания ордена мейстеров, существующие параллельно с феодальной системой личных связей.

В этом смысле Роберт Баратеон как типичный узурпатор изначально предстает в качестве правителя-харизматика, который постепенно утрачивает харизму. Его братья и мнимые сыновья претендуют на Железный трон вновь в рамках модели легитимации господства через традицию. Особо интересный случай представляют политические амбиции вдовы Роберта Серсеи Ланнистер — она не может легитимировать свои притязания ничем, кроме фактического силового контроля над столицей. В веберовском понимании здесь речь идет скорее не о господстве (Herrschaft) как устойчивой форме социальных отношений, а временном преимуществе в силе (Macht)⁹. Напротив, и Дейнерис, и Джон Сноу — типичные харизматики, лишь подкрепляющие свои притязания аргументами династического рода. Здесь достаточно вспомнить момент признания Джона королем Севера (сезон 6, серия 10 «Ветра зимы»).

Понятно, что выделенные Вебером основные типы легитимного господства не встречаются в чистом виде в реальной политической практике Вестероса и Эссоса, и это нужно учитывать при анализе структур господства в «Игре престолов». Так, отдельного рассмотрения из веберовской перспективы заслуживает организация власти за Стеной, в Вольных городах, у дотракийцев и железных людей и т. д.

После Старых и Новых богов: постсекулярность и религиозный фундаментализм в ценностно-нормативной системе «Игры престолов»

Исторически религия — это один из наиболее приоритетных объектов анализа для социологии, начиная с ее отцов-основателей. И понятно почему — в данной «предметной области» мы имеем дело с наиболее интенсивными социальными связями, ведущими к тому же в сферу трансцендентного. Именно поэтому сфера сакрального долгое время являлась привилегированным предметом изучения

9. Ср.: «Власть — это любая вероятность реализации своей воли в данном социальном отношении даже вопреки сопротивлению, на чем бы эта вероятность ни основывалась. Господство — это вероятность того, что определенные люди повинуются приказу определенного содержания» (Вебер, 2016: 109).

со стороны наук об обществе, включая социологию периода классики (Филиппов, 2019).

Ее особенности отражаются на институциональном дизайне и дискурсивных формах соответствующих обществ. Уже поэтому вера в Семерых как доминирующую конфессию Вестероса представляет определенный интерес для социологического взгляда хотя бы из-за ее роли в легитимации социального порядка Семи королевств. Именно она становится основным объектом религиоведческого и даже теологического анализа. Многие исследователи отмечают синтетический, синкретический характер веры в Семерых (Rüster, 2016).

При этом очевидно, что она и по нарративной структуре и по распространенности среди масс интенсивности религиозного переживания, а также по проблемности некоторых структурных моментов (всплески фанатизма, коррумпированность септонов, педофилия) вполне узнаваема для жителя современного западного мира. Джорджу Мартину удалось представить необычайно широкий набор типологически разных религий, действующих те или иные теологические и метафизические системы в качестве источника объясняющих мир моделей и метафор. При этом религии и популярные мифологии предстают в саге в основном в качестве политических инструментов в руках институтов сакральной и светской власти (Emig, 2016).

В целом для мира «Игры престолов» характерно амбивалентное отношение к проблемам веры, не поддающееся однозначной локализации по шкале религиозность — секулярность — постсекулярность. Политически обусловленная дискретность существующих во вселенной Мартина социальных порядков коррелирует с дискретностью религиозного ландшафта Вестероса и Эссоса, в рамках которого можно выявить зоны не только с сильно отличающейся интенсивностью религиозной жизни, но и разным потенциалом воздействия конфессий на поведение последователей: от почти полной неэффективности той же веры в Семерых до чудодейственных способностей по оживлению мертвых, демонстрируемых некоторыми служителями Владыки света (красная жрица Мелисандра, Торос из Мира, неоднократно воскрешавший Берика Дондариона) (Frenschkowski, 2016).

В целом плюралистические религиозные структуры обоих континентов выступают в саге прежде всего в качестве разнообразных форм властного дискурса. Иногда религиозная практика даже внутри одной деноминации демонстрирует значительную пластичность институциональных форм (ордена внутри веры в Семерых) — в зависимости от политической целесообразности, определяемой представителями секулярной власти (Söffner, 2017: 102).

Изучая тексты цикла Дж. Мартина «Песнь льда и пламени», также можно обратить внимание на один момент, связанный с вестеросской социологией знания/религии: если в телесериале «Игра престолов» во многих важных сценах заметно присутствие мастеров и почти полностью отсутствуют собственно носители сакрального знания, т. е. септоны, то в книгах следы культа Семерых обнаруживаются в самых неожиданных местах — так, священнослужители сопровождают прота-

гонистов в военном походе, небольшие септы есть не только в Винтерфелле, но и в Черном Замке на Стене и т. д. Кроме того, бросается в глаза асимметрия культов Старых и Новых богов — несмотря на общую религиозную толерантность в Вестеросе, мы не видим нигде официальных операторов традиционной религии Детей леса, Первых людей и одичалых, доминировавшей на всем континенте до прихода андалов с их верой в Семерых. Хотя весь Север и незначительная часть населения в южных землях продолжают поклоняться чар-древам в богощах, т. е. остаются в рамках анимизма, но все они не получают никакого духовного окормления со стороны каких бы то ни было волхвов или друидов. Крайне неравномерное присутствие трансцендентного в саге усиливается ценностным релятивизмом, делающим невозможным консенсус относительно объективного морального зла. Более того, некоторые религиозно легитимированные культурные традиции и практики напрямую связаны с насилием: Лошадиный бог дотракийцев, Утонувший бог железных людей, как и Владыка света, явно не препятствуют распространению зла во вселенной Дж. Мартина (Шоон, 2015).

Любая религия есть способ соединения в социально-природно-божественном космосе посюстороннего, секулярного и имманентного с потусторонним, сакральным и трансцендентным. Именно поэтому анализ религиозного ландшафта «Игры престолов» позволяет более отчетливо рассмотреть структуру социальных взаимодействий и саму социальную ткань гетерогенных сообществ Вестероса и Эссоса.

Политическая теология Дейнерис Таргариен

Не менее интересные выводы о вестеросском космосе может дать сопоставление тех способов, с помощью которых различные претенденты легитимируют свои притязания на Железный трон: генеалогия (Джоффри и Станис Баратеоны, Визерис Таргариен), доблесть (Станис), харизма (Ренли Баратеон), успех и удача (Роберт Баратеон, Тайвин Ланнистер), религиозное призвание (Мелисандра). При этом все они так или иначе соотносятся с действующей в Семи королевствах ценностной и правовой системой, из которой и черпают свои семантические содержания и прагматические ориентации. Именно поэтому они могут взаимно оспаривать права друг друга, оставаясь в рамках одной и то же политической реальности Вестероса, в отличие от последней представительницы великой династии, обосновывающей легитимность своей власти не имманентно, а скорее политико-теологически (Petersen, 2016: 232–233).

А какие оригинальные идеи на этом высококонкурентном рынке политических аргументов может предложить харизматичная дочь Безумного короля? Она открыто заявляет о трансцендентной природе своей власти, каковая, по Веберу, требует регулярного подтверждения избранности правителя в виде военных побед и политических успехов. В любом случае, как показывают перипетии аболиционистского режима Дейнерис Бурерожденной в городах Залива работогровцев, ее несомненная харизма и даже наличие «штурмовой авиации» в виде драконов еще

не гарантируют стабильность отношений господства и подчинения между ней и ее подданными.

При этом в рамках восходящего к Максу Веберу подхода харизма как таковая лежит вне сферы моральных оценок и означает лишь необычные, внеобыденные способности определенного лица, квалифицирующие его на роль правителя. Это может быть природный магический дар или удачливость в войнах, подтверждающие связь данного человека с трансцендентными силами (духами, богами). Проблема здесь в крайней неустойчивости положения того, кто считается своими последователями избранным править. Ведь он должен быть особо музыкальным, говоря словами Вебера, т. е. чувствительным к динамике в той среде, где его власть считается легитимной по праву призыва свыше. Переформулируя другой известный тезис классика социологии, господство — это призвание, а не профессия (Baumann, 2016: 215).

Как показывает ее постоянно удлиняющаяся титулатура «Дейенерис из дома Таргариенов, именуемая первой, Неопалимая, Королева Миэрина, Королева Андалов, Ройнара и Первых Людей, Кхалиси Дотракийского Моря, Разбивающая Оковы и Матерь Драконов» Дейенерис очень чувствительна к аккламациям подданных. Она отдает себе отчет, что жители Эссоса почитают ее не как законную наследницу Семи королевств, а как политического практика, осуществляющую одну ей ведомую программу радикальных реформ. Ведь она действительно революционным образом преобразует социальный и хозяйственный порядок на части континента¹⁰.

При этом она формулирует собственную политическую программу: «Ланнистеры, Баратеоны, Старки, Тиреллы — все они лишь спицы в колесе, сменяющие друг друга наверху... Я не собираюсь останавливать колесо. Я хочу его сломать» (сезон 5, серия 8 «Суровый дом»).

В отличие от всех упомянутых Дейенерис конкурентов из числа представителей великих домов, ее способы легитимации собственных притязаний на господство напоминают концепты в европейской истории идей, использовавшие аналоги или субSTITУты религиозно-трансцендентного для обоснования политического целеполагания. Именно такая дискурсивная практика дала право Карлу Шмитту сформулировать в начале 3-й части своего знаменитого трактата: «Все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические понятия» (Шмитт, 2000: 57).

Попытки Дейенерис восстановить политический порядок также опираются не на имманентную, а на трансцендентную легитимность: даже в освобождении рабов в Эссосе проявляется очевидный сoteriологический потенциал ее программы

10. Забавно, что некоторые исследователи обвинили ее в весторосоцентризме, выражавшемся в подавлении, вытеснении и уничтожении местного культурного своеобразия в ходе трансформации. Ср.: «Мир „Песни льда и пламени“ пронизан колониальными механизмами, которые проявляются и тем сами имплицитно проблематизируются даже там, где действительно происходит цивилизационный прогресс — например, когда Дейенерис освобождает рабов». См.: May et al., 2016b: 16.

переучреждения мира в Вестеросе. Очевидно, что, согласно как ее собственным интенциям, так и высказываниям ее ближайшего окружения, она позиционируется не просто как хорошая, законная и справедливая правительница, но и как мать и спасительница! Даже в глазах ее «штаба управления» — т. е. сира Джораха Мормонта, Вариса и Тириона Ланнистера — она является ни много ни мало последним шансом на спасение мира от дальнейшего разложения и распада.

В этом смысле заметна значительная динамика в ее понимании собственной миссии: первоначально она лишь воспроизводила чисто династически мотивированные притязания своего брата Визериса, структурно ничем не отличавшиеся от аргументов других претендентов — речь шла о восстановлении законной власти Таргариенов как создателей и носителей идеального порядка, так сказать, на правах реституции. Однако в ходе ее путешествия на восток Эссоса меняется характер ее притязаний на господство в Семи королевствах — теперь речь идет именно о спасении мира, описываемом в теологических категориях. Таким образом, дискурсивно она возвращается к Догоббсову, домодерному языку обоснования господства через трансцендентное.

Здесь можно увидеть определенный парадокс: несмотря на явно модернизованный характер ее социал-реформистской деятельности, по семантике и по структуре ее способ легитимации собственной власти относится скорее к жанру политической теологии и даже сотериологии. Более того, притязания Дейнерис на легитимное господство тесно связаны с ее уникальным магическим даром — способностью летать на огнедышащих драконах (аналог современной штурмовой авиации). В этом смысле здесь мы наблюдаем конститутивную роль домодерных дискурсивных (политико-теологических) и силовых ресурсов (магия), что несколько неожиданно для типично модерной, инструментально-рациональной политической культуры Семи королевств!

Вместо заключения. Чего не знает Джон Сноу, или Когнитивный ландшафт Вестероса между мейстерами, септонами и белыми ходоками

Подобно религиозному, эпистемологическому ландшафту сериала также чрезвычайно разнообразен: в нем заметны различные способы накопления, фиксации и трансляции знаний в рамках нескольких когнитивных порядков. Часто они существует как бы параллельно, принципиально несовместимы и порождают конфликт при попытках совмещения: например, мы можем только догадываться о власти-знании, мотивирующим белых ходоков на поход южнее Стены...

Исследователи также обращают внимание на жесткое институциональное разделение в Семи королевствах между носителями чисто секулярного знания (мейстеры) и знания сакрального (септоны и септы). Причем если механизм рекрутования первых довольно прозрачен — эти секулярные интеллектуалы («рыцари ума») получают академическую социализацию в специализированном учебном заведении (Цитадели), то откуда берутся вторые, не совсем понятно. Примечатель-

ны еще несколько моментов, связанных с подобным «разделением когнитивного труда»: изначально религиозный центр веры в Семерых также находился в Староместе, где находится и Цитадель мейстеров; несмотря на секулярность осваиваемого мейстерами корпуса знания, они тем не менее являются членами столь же иерархически структуированного (великий мейстер — архимейстеры — обычные мейстеры), но при этом абсолютно светского ордена; кроме того, есть еще носители древнего магического знания, организованные в гильдию алхимиков и т. д.

Стоит ли говорить, что этот чрезвычайно сложный ландшафт вестеросского знания сразу вызывает вопросы об исторических аналогах в европейском Средневековье. И не только европейском — например, та же Цитадель мейстеров, выступающая в качестве высшей инстанции в области всех наук очень напоминает китайскую «академию» Ханьлинь, просуществовавшую более тысячи лет. В этой связи неизбежно встает вопрос, существовали ли исторические precedents подобного институционального отделения секулярного знания от знания сакрального, как мы его видим во вселенной Дж. Мартина?

В текстах цикла постоянно подчеркивается несовместимость различных модусов индивидуальной и культурной памяти. Так, на примере историописания, осуществляемого конкурирующими корпорациями мейстеров и септонов, чрезвычайно реалистично показана дискретность порядков знания. В этом смысле Джон Сноу «не знает» не только того, что «знает» одичалая Игриллт. Как и у всех остальных героев, его взгляд на мир остается лишь одной из частных перспектив, принципиально не совпадающей с оптикой других protagonists. И их невозможно сложить в некий пазл единой картины мира. В этом смысле значительным упрощением и уплощением сложности вселенной Джорджа Мартина является произнесенное уже в 8-м сезоне сериала утверждение, что Бран — последняя опора, удерживающая от гибели мир людей, которому противопоставлен Король Ночи как абсолютное небытие.

Примечательно и то, что основанием гуманистического порядка опять-таки оказывается культурная память: уже давно утративший личностные черты Бран выступает в качестве института субстантивированного знания человечества о себе. Таким образом, цикл Дж. Мартина несет в себе элементы археологии знания и медиакритики (May et al., 2016b: 12). И в этом отношении вселенная сериала «Игра престолов» является абсолютно современным пространством конкурирующих «эпистемологических» программ и нарративов, легко опознаваемым жителем глобализированного мира начала XXI века.

В целом мастерски прописанный в произведениях Джорджа Мартина комплексный социальный мир с его функциональными институтами, механизмами господства и дискурсивными порядками является масштабным пространством человеческих взаимодействий. Различные способы обобществления человека путем регулярных интеракций с другими людьми традиционно вызывают профессиональный интерес у социологии как науки о социальном действии. Как я попытался показать в данном обзоре, «Игра престолов» является репрезентативным продуктом современной массовой культуры, позволяющим социальным ученым

в лабораторных условиях книжного текста и телевизионного сериала эффективно тематизировать реальные структурные проблемы обществ позднего модерна.

Литература

- Барт Р. (1989). Эффект реальности / Пер. с франц. С. Н. Зенкина // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс. С. 392–400.
- Вебер М. (2016). Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 1: Социология / Пер. с нем. под общ. ред. Л. Г. Ионина. М.: ВШЭ.
- Джейкоби Г., Ирвин У. (ред.). (2015). Игра престолов и философия / Пер. с англ. Н. И. Виленской. М.: АСТ.
- Ларрингтон К. (2018). Зима близко: средневековый мир «Игры престолов» / Пер. с англ. А. Козырева. М.: РИПОЛ классик.
- Ларрингтон К. (2019). Скандинавские мифы: от Тора и Локи до Толкина и «Игры престолов». М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Лаудер Дж. (ред.). (2015). За стеной: тайны «Песни Льда и Огня» Джорджа Р. Р. Мартина. М.: АСТ.
- Литтманн Г. (2015). Мейстер Гоббс едет в Королевскую Гавань // Джейкоби Г., Ирвин У. (ред.). Игра престолов и философия / Пер. с англ. Н. И. Виленской. М.: АСТ. С. 21–36.
- Лушиак А. (2018). Валар Моргулис: античный мир «Игры престолов». М.: РИПОЛ классик.
- Марей А. В. (2020). Карлик, евнух и банкир: интуиции модерного государства в Вестеросе // Социологическое обозрение. Т. 19. № 1. С. 160–182.
- Марей М. Д. (2020). Не только мать, жена и королева: этические и политические стратегии женских персонажей в цикле романов «Песнь льда и пламени» Дж. Мартина // Социологическое обозрение. Т. 19. № 1. С. 209–226.
- Тенбрук Ф. (2013). Репрезентативная культура / Пер. с нем. А. В. Комаровского под ред. О. В. Кильдюшова // Социологическое обозрение. Т. 12. № 3. С. 93–120.
- Травин Д. Я. (2020). Историческая социология в «Игре престолов». СПб.: Страна.
- Филиппов А. Ф. (2009). Актуальность философии Гоббса. Статья вторая // Социологическое обозрение. Т. 8. № 3. С. 113–122.
- Филиппов А. Ф. (2017). Другие «люди Гоббса»: о философских источниках и перспективах одного социологического заблуждения // Вишленкова Е. А., Дмитриев А. Н., Самутина Н. В. (ред.). Сад ученых наслаждений: сборник трудов ИГИТИ к юбилею профессора И. М. Савельевой. М.: ВШЭ. С. 23–40.
- Филиппов А. Ф. (2019). Элементарная социология: введение в историю дисциплины. М.: РИПОЛ классик.
- Шляхтин Р. (ред.). (2019). Игра престолов: прочтение смыслов. Историки и психологи исследуют мир Джорджа Мартина. М.: АСТ.

- Шмитт К. (2000). Политическая теология: четыре главы к учению о суверените-те / Пер. с нем. Ю. Коринца // Шмитт К. Политическая теология. М.: КАНОН-пресс-Ц. С. 7–98.
- Шоон Я. Д. (2015). «Почему мир так несправедлив?»: боги и проблема зла // Джей-коби Г., Ирвин У. (ред.). Игра престолов и философия / Пер. с англ. Н. И. Виленской. М.: ACT. С. 176–189.
- Штейнман М. А. (2019). Трансформация метафоры власти в XX — начале XXI сто-летия (на примере произведений Дж. Р. Р. Толкина и Дж. Мартина) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. № 2. С. 28–47.
- Шульцке М. (2015). Правила Игры престолов: уроки Макиавелли // Джейкоби Г., Ирвин У. (ред.). Игра престолов и философия / Пер. с англ. Н. И. Виленской. М.: ACT. С. 52–68.
- Энглбергер А. Дж. Дж., Хайеке А. (2015) Разная мораль: лорд Эддард Старк и коро-лева Серсея // Джейкоби Г., Ирвин У. (ред.). Игра престолов и философия / Пер. с англ. Н. И. Виленской. М.: ACT. С. 108–119.
- Azulus S. (2016). Philosopher avec «Game of Thrones». Р.: Ellipses.
- Battis J., Johnston S. (eds.). (2015a). Mastering the Game of Thrones: Essays on George R. R. Martin's *A Song of Fire and Ice*. Jefferson: McFarland & Co.
- Battis J., Johnston S. (2015b). Introduction: On Knowing Nothing // Battis J., Johnston S. (eds.). Mastering the Game of Thrones: Essays on George R. R. Martin's *A Song of Fire and Ice*. Jefferson: McFarland & Co. P. 1–14.
- Baumann M. (2016). The King is Dead — Long Live the Throne? Zur Herrschaftsstruktur in ASOIAF // May M., Baumann M., Baumgartner R., Eder T. (Hrsg.). Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire». Bielefeld: transcript. S. 213–226.
- Brittnacher H. R. (2016). Bastarde und Barbaren // May M., Baumann M., Baumgartner R., Eder T. (Hrsg.). Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Per-spektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire». Bielefeld: transcript. S. 157–172.
- Chaillan M. (2016). «Game of Thrones»: une métaphysique des meurtres. Р.: Le Passeur.
- Emig R. (2016). «What is Dead May Never Die, but Rises again, Harder and Stronger»: Religion als Macht in ASOIAF // May M., Baumann M., Baumgartner R., Eder T. (Hrsg.). Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire». Bielefeld: transcript. S. 103–112.
- Frankel V. E. (2014). Women in *Game of Thrones*: Power, Conformity and Resistance. Jef-ferson: McFarland & Co.
- Frenschkowski D. (2016). Feuer innerhalb und außerhalb von ASOIAF // May M., Bau-mann M., Baumgartner R., Eder T. (Hrsg.). Die Welt von «Game of Thrones»: Kultur-wissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire». Bielefeld: transcript. S. 113–126.
- Gjelsvik A., Schubart R. (eds.). (2016). Women of Ice and Fire: Gender, Game of Thrones, and Multiple Media Engagements. L.: Bloomsbury Academic.

- Jacoby H. (ed.). (2012). *Game of Thrones and Philosophy: Logic Cuts Deeper than Swords*. Hoboken: John Wiley & Sons.
- Larrington C. (2016). *Winter is Coming: The Medieval World of Game of Thrones*. L.: I. B. Tauris.
- Larrington C. (2017). *The Norse Myths: A Guide to Viking and Scandinavian Gods and Heroes*. L.: Thames and Hudson.
- Lowder J. (ed.). (2012). *Beyond the Wall: Exploring George R. R. Martin's A Song of Ice and Fire, from A Game of Thrones to A Dance with Dragons*. Dallas: Smart Pop Books.
- Luhmann N. (1984). *Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen Theorie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Lushkov A. H. (2017). *You Win or You Die: The Ancient World of Game of Thrones*. L.: I. B. Tauris.
- May M., Baumann M., Baumgartner R., Eder T. (Hrsg.). (2016a). *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»*. Bielefeld: transcript.
- May M., Baumann M., Baumgartner R., Eder T. (2016b). Vorwort // May M., Baumann M., Baumgartner R., Eder T. (Hrsg.). *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»*. Bielefeld: transcript. S. 11–25.
- Petersen Ch. (2016). *Die drei Drachen des Königs: Politische Theologie in ASOIAF* // May M., Baumann M., Baumgartner R., Eder T. (Hrsg.). *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»*. Bielefeld: transcript. S. 227–246.
- Rolet S. (2014). *Le Trône de fer ou le pouvoir dans le sang*. P.: PUFR.
- Rüster J. (2016). *7 = 1: Der Glaube an die Sieben als synthetische Religion zwischen Apodiktik und Paraklese* // May M., Baumann M., Baumgartner R., Eder T. (Hrsg.). *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»*. Bielefeld: transcript. S. 141–153.
- Silverman E. J., Arp R. (eds.). (2016). *The Ultimate Game of Thrones and Philosophy: You Think or Die*. Chicago: Open Court.
- Söffner J. (2017). *Nachdenken über «Game of Thrones»: George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»*. Paderborn: Wilhelm Fink.
- Stolleis M. (1990). *Staat und Staatsraison in der frühen Neuzeit: Studien zur Geschichte des öffentlichen Rechts*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Tönnies F. (1979). *Gemeinschaft und Gesellschaft*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Weng Ch. (2016). *Techniken und Funktionen von Filmmusik am Beispiel von GOT* // May M., Baumann M., Baumgartner R., Eder T. (Hrsg.). *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»*. Bielefeld: transcript. P. 293–306.

Social Order and Political Theology in the *Game of Thrones*: What Makes the Cult Series Interesting for Theoretical Sociology

Oleg Kildyushov

Research Fellow, Centre for Fundamental Sociology, National Research University — Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: kildyushov@mail.ru

The paper is a review of a number of writings in the humanities and in social science devoted to George Martin's series of epic fantasy novels *A Song of Ice and Fire*, and the television-serial drama *Game of Thrones*. At the beginning, we analyze the researchers' most heuristically-fruitful intellectual reactions to *Game of Thrones*, that is, specific products such as texts that may be of interest to social theory. The main part of the article considers the institutional and discursive order of George Martin's saga through the research lens of the classics of modern social theory, such as Niccolo Machiavelli, Thomas Hobbes, and Max Weber. The paper then briefly touches upon the religious situation in Westeros, whose system of values and norms is paradoxically characterized by both post-secularism and a surge of religious fundamentalism. As a next step, it analyzes the political theology in the *Game of Thrones*, which is considered within the perspective of a transcendental legitimization of politics as proposed by Carl Schmitt. In conclusion, the paper considers Westeros' cognitive landscape which consists of various competing epistemic sets (maesters, septons, white walkers, etc.), and structurally reproduces the situation in the societies of late modernity.

Keywords: *Game of Thrones*, George Martin, social order, culture of representation, Max Weber, political theology

References

- Anglberger A., Heke A. (2015) Raznaja moral': lord Jeddard Stark i koroleva Serseja [Lord Eddard Stark, Queen Cersei Lanister: Moral Judgements from Different Perspectives]. *Igra prestolov i filosofija* [Game of Thrones and Philosophy] (eds. H. Jacoby H., W. Irwin), Moscow: AST, pp. 108–119.
- Azulus S. (2016) *Philosopher avec "Game of Thrones"*, Paris: Ellipses.
- Barthes R. (1989) Jeffekt real'nosti [The Reality Effect]. *Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika* [Selected Works: Semiotics, Poetics], Moscow: Progress, pp. 392–400.
- Battis J., Johnston S. (eds.) (2015) *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R. R. Martin's A Song of Fire and Ice*, Jefferson: McFarland & Co.
- Battis J., Johnston S. (2015) Introduction: On Knowing Nothing. *Mastering the Game of Thrones: Essays on George R. R. Martin's A Song of Fire and Ice* (eds. J. Battis, S. Johnston), Jefferson: McFarland & Co, pp. 1–14.
- Baumann M. (2016) The King is Dead — Long Live the Throne? Zur Herrschaftsstruktur in ASOIAF. *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»* (eds. M. May, M. Baumann, R. Baumgartner, T. Eder), Bielefeld: transcript, pp. 213–226.
- Brittnacher H. R. (2016) Bastarde und Barbaren. *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»* (eds. M. May, M. Baumann, R. Baumgartner, T. Eder), Bielefeld: transcript, pp. 157–172.
- Chaillan M. (2016) *«Game of Thrones»: une métaphysique des meurtres*, Paris: Le Passeur.
- Emig R. (2016) "What is Dead May Never Die, but Rises again, Harder and Stronger": Religion als Macht in ASOIAF. *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»* (eds. M. May, M. Baumann, R. Baumgartner, T. Eder), Bielefeld: transcript, pp. 173–194.

- R. R. Martins «*A Song of Ice and Fire*» (eds. M. May, M. Baumann, R. Baumgartner, T. Eder), Bielefeld: transcript, pp. 103–112.
- Filippov A. (2009) *Aktual'nost' filosofii Gobbса. Stat'ja vtoraja* [The Relevance of Hobbes' Philosophy. Second Article]. *Russian Sociological Review*, vol. 8, no 3, pp. 113–122.
- Filippov A. (2017) *Drugie "ljudi Gobbса": o filosofskih istochnikah i perspektivah odnogo sociologicheskogo zabluzhdenija* [The Other "Hobbes' People": On the Philosophical Sources and Perspectives of a Sociological Fallacy]. *Sad uchenyh naslazhdenij* [The Garden of Academic Delights] (eds. E. Vishlenkova, A. Dmitriev, N. Samutina), Moscow: HSE, pp. 23–40.
- Filippov A. (2019) *Jelementarnaja sociologija: vedenie v istoriju discipliny* [Elementary Sociology: An Introduction to the History of the Discipline], Moscow: RIPOL klassik.
- Frankel V. E. (2014) *Women in Game of Thrones: Power, Conformity and Resistance*, Jefferson: McFarland & Co.
- Frenschkowski D. (2016) *Feuer innerhalb und außerhalb von ASOIAF. Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»* (eds. M. May, M. Baumann, R. Baumgartner, T. Eder), Bielefeld: transcript, pp. 113–126.
- Gjelsvik A., Schubart R. (eds.) (2016) *Women of Ice and Fire: Gender, Game of Thrones, and Multiple Media Engagements*, London: Bloomsbury Academic.
- Jacoby H. (ed.) (2012) *Game of Thrones and Philosophy: Logic Cuts Deeper than Swords*, Hoboken: John Wiley & Sons.
- Jacoby H., Irwin W. (2015) *Igra prestolov i filosofija* [Game of Thrones and Philosophy], Moscow: AST.
- Larrington C. (2016) *Winter is Coming: The Medieval World of Game of Thrones*, London: I. B. Tauris.
- Larrington C. (2017) *The Norse Myths: A Guide to Viking and Scandinavian Gods and Heroes*, London: Thames and Hudson.
- Larrington C. (2018) *Zima blizko: srednevekovyj mir "Igry prestolov"* [Winter is Coming: The Medieval World of Game of Thrones], Moscow: RIPOL klassik.
- Larrington C. (2019) *Skandinavskie mify: ot Tora i Loki do Tolkina i "Igry prestolov"* [The Norse Myths: A Guide to the Gods and Heroes], Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
- Littman G. (2015) *Mejster Gobbс edet v Korolevskuju Gavan'* [Maester Hobbes Goes to King's Landing]. *Igra prestolov i filosofija* [Game of Thrones and Philosophy] (eds. H. Jacoby, W. Irwin), Moscow: AST, pp. 21–36.
- Lowder J. (ed.) (2012) *Beyond the Wall: Exploring George R. R. Martin's A Song of Ice and Fire, from A Game of Thrones to A Dance with Dragons*, Dallas: Smart Pop Books.
- Lowder J. (ed.) (2015) *Za stenoj: tajny "Pesni l'da i ognja"* Dzhordzha R. R. Martina [Beyond the Wall: Exploring George R. R. Martin's A Song of Ice and Fire], Moscow: AST.
- Luhmann N. (1984) *Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen Theorie*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Lushkov A. H. (2017) *You Win or You Die: The Ancient World of Game of Thrones*, London: I. B. Tauris.
- Lushkov A. H. (2018) *Valar Morgulis: antichnyj mir "Igry prestolov"* [You Win or You Die: The Ancient World of Game of Thrones], Moscow: RIPOL klassik.
- Marey A. (2020) *Karlik, evnuh i bankir: intuicii modernogo gosudarstva v Vesterose* [The dwarf, the eunuch, and the banker: the intuitions of modern state in Westeros]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 1, pp. 160–182.
- Marey M. (2020) *Ne tol'ko mat', zhena i koroleva: jeticheskie i politicheskie strategii zhenskih personazhej v cikle romanov «Pesn' l'da i Plameni» Dzh. Martina* [Not just mother, wife, and queen: the ethical and political strategies of female characters in George R. R. Martin's A Song of Ice and Fire by]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 1, pp. 209–226.
- May M., Baumann M., Baumgartner R., Eder T. (eds.) (2016) *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»*, Bielefeld: transcript.
- May M., Baumann M., Baumgartner R., Eder T. (2016) *Vorwort. Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»* (eds. M. May, M. Baumann, R. Baumgartner, T. Eder), Bielefeld: transcript, pp. 11–25.

- Petersen Ch. (2016) Die drei Drachen des Königs. Politische Theologie in ASOIAF. *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»* (eds. M. May, M. Baumann, R. Baumgartner, T. Eder), Bielefeld: transcript, pp. 227–246.
- Rolet S. (2014) *Le Trône de fer ou le pouvoir dans le sang*, Paris: PUFR.
- Rüster J. (2016) 7 = 1: Der Glaube an die Sieben als synthetische Religion zwischen Apodiktik und Paraklese. *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»* (eds. M. May, M. Baumann, R. Baumgartner, T. Eder), Bielefeld: transcript, pp. 141–153.
- Schulzke M. (2015) Pravila Igry prestolov: uroki Makavielli [Playing the Game of Thrones: Some Lessons from Machiavelli]. *Igra prestolov i filosofija [Game of Thrones and Philosophy]* (eds. H. Jacoby H., W. Irwin), Moscow: AST, pp. 52–68.
- Shlyakhtin R. (ed.) (2019) *Igra prestolov: prochtenie smyslov. Istoriki i psihologi issledujut mir Dzhordzha Martina* [A Game of Thrones: Reading the Meanings. Historians and Psychologists Explore the World of George Martin], Moscow: AST.
- Shoone J. (2015) "Pochemu mir tak nespravedliv?": bogi i problema zla ["Why is the World so Full of Injustice?": Gods and the Problem of Evil]. *Igra prestolov i filosofija [Game of Thrones and Philosophy]* (eds. H. Jacoby H., W. Irwin), Moscow: AST, pp. 176–189.
- Shtejnman M. (2019) Transformacija metafory vlasti v XX — nachale XXI stoletija (na primere proizvedenij Dzh. R. R. Tolkina i Dzh. Martina) [The Transformation of Power Metaphor in the 20th — the Early 21st Centuries (The Case of J. R. R. Tolkien's and G. Martin's Works)]. *Politeia*, no 2, pp. 28–47.
- Söffner J. (2017) *Nachdenken über "Game of Thrones": George R. R. Martins "A Song of Ice and Fire"*, Paderborn: Wilhelm Fink.
- Stolleis M. (1990) *Staat und Staatsraison in der frühen Neuzeit: Studien zur Geschichte des öffentlichen Rechts*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Schmitt C. (2000) Politicheskaja teologija: chetyre glavy k ucheniju o suverenitete [Political Theology: Four Chapters on the Concept of Sovereignty]. *Politicheskaja teologija [Political Theology]*, Moscow: KANON-press C, pp. 7–98.
- Tenbruk F. (2013) Reprezentativnaja kul'tura [Representative Culture]. *Russian Sociological Review*, vol. 12, no 3, pp. 93–120.
- Silverman E. J., Arp R. (eds.) (2016) *The Ultimate Game of Thrones and Philosophy: You Think or Die*, Chicago: Open Court.
- Tönnies F. (1979) *Gemeinschaft und Gesellschaft*, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Travin D. (2020) *Istoricheskaja sociologija v "Igre prestolov"* [Historical Sociology in the Game of Thrones], Saint Petersburg: Strata.
- Weber M. (2016) *Hozjajstvo i obshhestvo: ocherki ponimajushhej sociologii. T. 1: Sociologija* [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology, Vol. 1: Sociology], Moscow: HSE.
- Weng Ch. (2016) Techniken und Funktionen von Filmmusik am Beispiel von GOT. *Die Welt von «Game of Thrones»: Kulturwissenschaftliche Perspektiven auf George R. R. Martins «A Song of Ice and Fire»* (eds. M. May, M. Baumann, R. Baumgartner, T. Eder), Bielefeld: transcript, pp. 293–306.